

ДУШЕНЬКА, ДРЕВНЯЯ ПОВЕСТЬ И. БОГДАНОВИЧА

Издание конторы привилегированной типографии Е. Фишера,
в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. 1841. В 12-ю д. л.
78 стр.

«Душенька» имела в свое время успех чрезвычайный, едва ли еще не высший, чем трагедии Сумарокова, комедии Фон-визина, оды Державина, «Россиада» Хераскова. Пастушеская свирель Богдановича очаровала слух современников сильнее труб и литавр эпических поэм и торжественных од; миртовый венок его был обольстительнее лавровых венков наших Гомеров и Пиндаров того времени. До появления в свет «Руслана и Людмилы» наша литература не представляет ничего похожего на такой блестящий триумф, если исключить успех «Бедной Лизы» Казамзина. Все поэтические знаменитости пустились писать надписи к портрету счастливого певца «Душеньки», а когда он умер,—эпитафии на его гробе. Один Дмитриев, в свое время поэтическая знаменитость первой величины, написал три такие эпитафии; вот они:

I

Привесьте к урне сей, о грации! венец:
Здесь Богданович спит, любимый ваш певец.

II

В спокойствии, в мечтах текли его все лета,
Но он внимаем был владычицей полсвета,
И в памяти его Россия сохранит.
Сын Феба! возгордись: здесь муз любимец спит.

III

На урну преклонясь вечернею порою,
Амур невидимо здесь часто слезы льет,
И мыслит, отягчен тоскою,
Кто Душеньку теперь так мило воспоет?

Кажется, родной брат Богдановича написал следующее, славное в свое время двоестишие к творцу «Душеньки»:

Зефир ему перо из крыл своих давал,
Амур водил пером, он «Душеньку» писал.¹

Батюшков воспел Богдановича в своем прекрасном послании к Жуковскому «Мои пенаты», вместе с другими знаменитостями русской литературы:

За ними Сильф прекрасный,
Воспитанник Харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет.

Карамзин написал разбор «Душеньки», в котором силился доказать, что Богданович победил Лафонтена, забыв, что сказка Лафонтена если писана и прозою, то прозою изящною, на языке уже установившемся, без усечений, без насильственных ударений, что у Лафонтена есть и наивность, и остроумие, и грация, столь сродственные французскому гению.

Что же такое в самом-то деле эта препрославленная, эта пресловутая «Душенька»? — Да ничего, ровно ничего: сказка, написанная тяжелыми стихами, с усеченными прилагательными, натянутыми ударениями, часто с полубогатыми и бедными рифмами, сказка, лишенная всякой поэзии, совершенно чуждая игривости, грации, остроумия. Правда, автор ее претендовал и на поэзию, и на грацию, и на остроумную наивность, или наивное остроумие; но все это у него поддельно, тяжело, грубо, часто безвкусно и плоско. Выпишем для примера хоть то место, где Душенька подходит к спящему Амуру, с светильником в руке и с мечом под полою:

Тогда царевна осторожно,
Встает *толь* тихо как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в *некий* покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампы.
Потом с лампадою в руках,
Идет назад, на всякий страх,
И с воображением печальным,
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет, и медлит на пути,
И *ускоряет вдруг ступени*,
И собственной бонится тени,
Боишься змея там найти.
Меж тем в чертог супружний входит
Но кто представился ей там?
Кого она в одре находит?
То был... но кто?... Амур был сам.
Сей бог, властитель всей природы,
Кому покорны все амуры,
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрит тончайшей пленой,

Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный поверх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
В виду, во всей красе своей,
Иль кои крылися от вида,
Могли унижить Аонида,
За коим некогда, влюбясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств.
За сими краткими чертами,
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

Увидя Душеньку прекрасно божество,
На место аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство
Иль сон, или призрак и долго изумлялась,
И видя наконец, как каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный самый бог,
Едва не кинула лампы и кинжала
И, позабыв тогда свою приличну статью,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремительность любовна;
И Душенька тогда недвижна и бессловна,
Считала ночь сию приятней всех ночей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о боге сем в незнании была,
И дерзостно его за змея почитала.

Впоследствии царска дочь,
В сию приятну ночь
Дая свободу взгляду,

Приблизилась, потом приблизила лампаду,
Потом нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой

Небрежно над бедром лампаду наклонила,
И, масла часть пролив оттол, о
Ожогою бедра Амура разбудила.

Почувствовав жестоку боль,
Он вдруг вздрогнул, вскричал, проснулся,

И боль свою забыв, от света ужаснулся;
 Увидел Душеньку, увидел также меч,
 Который из-под плеч
 К ногам тогда скользнулся;
 Увидел он вины,
 Или признаки вин зломысленной жены;
 И тщетно тут желала
 Сказать несчастья все сначала,
 Какие в выправку сказать ему могла.
 Слова в устах остановлялись:
 И свет и меч в винах уликою являлись,
 И Душенька тогда, упадиши, обмерла.

Сиречь «сомлела»; — и поделом ей! Мы нарочно не поскупились на выписку; пусть читатели сами судят по этому отрывку, какого труда и по́ту сто́ит прочесть поэму, писанную такими милыми стишками и преисполненную такой легкой, очаровательной и грациозной поэзии...

«Душенька» Богдановича ведет свое начало от высокого эллинского мифа о сочетании *души с любовью*, т. е. о проникновении духовным началом естественного влечения полов: на этот раз из чистого и глубокого источника вытекла мутная лужица воробью по колено. Конечно, нельзя винить Богдановича за то, что ему не могла и в голову войти подобная мысль: об этих премудростях и в самой Германии очень не задолго до его времени начали догадываться; не виним его также за отсутствие художественного такта, пластичности и наивной грациозности древних: он не был ни художником, ни поэтом, ни даже особенно талантливым стихотворцем, да в его время о художественности и пластицизме древних и сами немцы только что начинали догадываться, а вся остальная Европа жила в идее остроумия; но ведь остроумие должно же быть остроумно, а не плоско; шалость должна же быть игрива, грациозна, чтоб не оскорблять эстетического вкуса...

Почему же «Душенька» Богдановича имела такой блестящий успех? Мы первые согласны в том, что всякий блестящий успех всегда основывается если не на достоинстве то на какой-нибудь основательной причине; и мы убеждены, что успех «Душеньки» был вполне заслуженный, так же как и успех «Бедной Лизы». Это очень легко объяснить. Громкие оды и тяжелые поэмы всех оглушали и удивляли, но никого не услаждали, — и потому все мечтали о какой-то «легкой поэзии», вероятно, разумея под нею салонную французскую беллетристику. И вот является человек, который для своего времени пишет просто и легко, даже забавно и игриво, силится ввести в поэзию комический элемент, высокое смешать с смешным, как это есть в самой действительности, реторику поддельного эмфаза заменить реторикою поддельной наивности и остроумия, каким наградила его скупая природа. Естественно, что все приходят в восторг от такой *невидали и небываль-*

щины: должно было приглядеться к ней (а для этого нужно было время и время), чтобы увидеть ее незначительность и пустоту. И пригляделись: но тогда еще наши литературные авторитеты сокрушались медленно: их и не читали, а все-таки хвалили по преданию и ленивой привычке. И вот Батюшков, поэт с большим дарованием и с художественным тактом, бессознательно преклоняясь перед всемогущею тогда силой предания, воспел Богдановича, как любимца муз и граций, с которыми у певца «Душеньки» не было ничего общего. Ведь Дмитриев говорил же о Хераскове:

Пуškai от зависти сердца в Зоилах ноют;
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

Воейков (во время оно тоже литературная и поэтическая знаменитость) провозглашал:

Херасков, наш Гомер, воспевший древни брани,
России торжество, падение Казани...

А теперь? — Увы! — *Sic transit gloria mundi!** Успеху «Душеньки» много способствовал и ее вольный, шаловливый тон, столь противоположный чопорности литературных приличий того времени. Этому же обстоятельству много обязаны были своим успехом и сказки Дмитриева «Причудница» и «Модная жена», которые, впрочем, по литературному достоинству гораздо выше «Душеньки». Однако ж поэма Богдановича все-таки замечательное произведение, как факт истории русской литературы: она была шагом вперед и для языка, и для литературы, и для литературного образования нашего общества. Кто занимается русской литературою как предметом изучения, а не одного удовольствия, тому — еще более записному литератору — стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича. Но безотносительных достоинств она не имеет никаких, и в наше время нет ни малейшей возможности читать ее для удовольствия.

А между тем, «Душенька» до сих пор все печатается новыми изданиями; мелкие книжные торговцы сделали ее постоянным средством для своих спекуляций. И это очень понятно. У нас есть особый класс читателей: это люди, только что начинающие читать вместе с переменною национального сермяжного кафтана на что-то среднее между купеческим длиннополым сюртуком и фризovou шинелью. Обыкновенно они начинают с «Милорда английского» и «Потерянного рая» (нейстовым образом переведенного прозою с какого-то риторического французского перевода), «Письмовика» Курганова,

* Так проходит мирская слава! (лат.).

«Душеньки» и басен Хемницера, — этими же книгами и оканчивают, всю жизнь перечитывая усладительные для их грубого и необразованного вкуса творения. Потому-то эти книги и издаются почти ежегодно нашими сметливыми книжными торговцами.

Новое издание «Душеньки» очень скромно и ужасно безвкусно. Корректурa неисправна. Приложений нет никаких.